

Олег Ермаков

СМЕРТЬ ЛЮБВИ

Мрачный смысл слова «дизель»

Топка с бьющимся внутри огнем — образ Земли бренной, адовой «могилы духа» в сакральной традиции. Явь техники, злой госпожи нашей как котла этого — двигатель внутреннего сгорания, лик чей — слово «дизель».

ЧИСЛОВО
САКРАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
РИФМА ЧИСЛА, АРИФМЕТИКА СЛОВА

Киев – 2016

*Эпоха неслыханной власти техники над человеческой
душой кончится, но кончится она не отрицанием
техники, а подчинением ее духу.*

Николай Бердяев

В Мире два огня сущи: Огнь-Вечность,
Любовь как Мир сам, и огонь-бренье,
Вражда как безмирье, от Мира **ди|ра**.
Вражда – Рóзни огонь, Любовь – Единства.
Удавка тьмы, тех**ни**ка – Рознь во плоти́,
смерть (англ. **DIE**) Любви как **SEL**'ены,
п**ла**н**е**ты ее. Явь сего – слово «**ди|зел**ь»:

DIE – SEL:

огонь, жрущий мир бранный сей.
Служа Духу, Любви – техника
станет по**мощь**ю нам как машина
Любви: **НЛО**, че**лн**-**лу**на*.

* См. Приложение 3

Все тайны Мира и Луны. Книга «Планета Любовь. Основы Единой теории Поля», скачать:
All mysteries of the Universe and the Moon. The book «Planet Love. The basics of the Unified Field theory», download:
https://www.academia.edu/2475366/Planet_Love._The_basics_of_the_Unitary_Field_theory_in_Russian

Приложения

Приложение 1

AB OVO

САКРАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА, МОЙ МЕТОД

Ab ovo. The sacred linguistics, my method¹

Сакральная лингвистика — наука о верном делении слова, стоящая на двух столпах. Первый: Слово как Сущность тождественно Богу и Миру (**Вселен**ной). Речет **Еван**гелие: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1), — т.е., сущее прежде всего, **Слово** есть Бог, Родитель, и Мир, Дитя: ведь кроме Мира у Господа нет ничего. Столп второй: Слово, сущих Оплот, не несет корень как часть свою, как мнят ныне, — **корнь есть оно всё**². С тем, деление слова к Познанию вершимо не от части к Целому, но встречу — от Целого к части: в Глубь слова, сиречь **Сверху** вниз. Так, **AB OVO**, течет от **ис то** ка река: Мир — от Бога. Так, Богом творим, в себе делится Мир без **разъ**я тья; так в лоне **вз Ра** стает дитя: тело — из **гол****OV**ы, его корня. Деля так, мы, с Богом идя, зрим чрез сл³**OVO** всё сущее Мира и **дверь** в Мира **Цель**ность, **Л**уну³.

WORD IS THE WORLD

Суть познать — от нее ступать нам: от Причины к Причине **возв Ра**тным путем колыц**евым**. Так ступает душа, коя — мы, **ис к Ра** Божья, вершащая По**ис к**: от Бога ко Богу, **из — к — Ра**. В том — са**к Ра**льной **Л'IN**гвистики суть. Луна, Речь (**Вак** (**инд.**)) — Корнь сей науки, частиц ее **Вак**уум; **датель** ее людям — **Вакх**: Слово, **Сок** Луны, **Я'God**ы **вакантной**⁴; **автор** в миру ей — **Сок Ра**т, **вино**черпий его⁵; глас забытой ее — я, восшедший от физики, ложного взора (**Природа**⁶, греч. фюзис, как явь **Ares**тотеля — Мир безг**лов**ый: без Неба Земля, Дол без Выси), к линг**VIS**тике, науке Слова как Мира, Сосуда и Поля всего.

Труд сакральной лингвистики, Вакха стези: выжать из речи Мир как из ягоды сок, чтоб испить его нам.

¹ **Met-hod** — к **Meté**, Цели **ход**, суть наука Ид/ти-Дос/ти/гать. От поры Аристотеля, Землю **разъ**явшего с Небом, Главой ее, слово Полета «метá» переводят как плоское «после», «за», чья имманентность, тогда как Цель — «над»: Трансцендентное, Высь, коей мудрый крылат.

² Корень, Целое, мнят ныне частью, деля **слово, корнь себя**, на корень, суффикс, приставку и окончание. Сло́ва как корня единого явь — **Сан**/скрит (**Дева/нага**/ри), где буквы слов сущих с **VIS**аю́т с опоры единой, как смертные люди с Небес, бренье с Вечности: **संस्कृता**. **План**ка планок, Опора-**Высь**, Ось (**VIS**ь (укр.)) — Речь, слов Душа: **Луна**, **Дева**, змея (**нага** (санскр.)) кольцевая.

³ «Все те, кто поистине уходит из этого мира, идут к Луне. (...) Поистине Луна — это врата небесного мира», — рекут о том Веды (**Кав**шитаки-упа**ниша/да**, I, 2). Поистине Небо, Высь — Мир как Ед**ин**ство, каким и **есть он**; Земля, Дол — Мир как Рознь, коею он не есть.

⁴ Согласно открытию NASA, **Луна** — пустотелый сосуд: Пол**н**ость, тайная смертным очам, что навыворот зрят.

⁵ Бич дней сих, Стагиритова дочка наука не знает: искусство **Сок Ра**та **май**ев/тика, данное в помощь **беременным Истиной, людям**, родить Ее — есть **жом**, **давление Ее из Слова как сока из Я'God'ы-Тьмы, Винограда** (Лозы — по Христу): царь умов **Дионисов процесс**, чьим посредством Мир, в Ягоде сей **Иноград**, извлекается из **древних** речи корней, **Луны в ней**, ради знания его. Выжать из речи нашей, **вок**ала, Мир — **явить** **Луну** как Сосуд его: **Вак**. Речь как Мать всего, **Мен**у-**Плато**ну у **Грек**ов (сын коей **Платон** — муж **речистый отмен**но; Луну звать — лягушкою **к-вак**ать в ночь **лун**ну: **Прич**ину петь **до**льне), **Любовь** как **sloué**s Суть, от бед всех **Вак**шину (с тем, первой вакциной в миру нас — королева снабдила: **Тьма, Мать**). Посему без **бок**ала, рекут, нет **вок**ала: без **Вак**ха, **ме**н/ад вожака и царя **Элев**синий, акадского **Син**а, владыки Луны (Вакх есть **Бык, Сын Коровы сей, Бок**, он же **Рог**, ее **верный** как Два при **Нод**е, **А/под**лон как **пол-Лон**а при **Лон**е, **Лун**е) — нет и речи людей как **рек**и от **Исто**ка сего.

⁶ **При Род**е (Бог (стар.)) — плод Его и подобье: Мир, Божье Дитя.

Приложение 2

АД КАК ОН ЕСТЬ

Суть и устройство преисподней

Hell as it is. The essence and structure of the nether world

Что жаждем мы, люди, свободы — перст Божий:
Свобода есть Бог, наше Я. Быть нам в Ней —
Дóма быть. Быть лишенным Ее — падать
в лоно страданья, чье имя есть ад.

*In hell, the vale of human suffering, there is an exact
place where he, the Moon exists. Haven and hell,
God and devil are united in it as the flame and shadow.*

Что же есть ад? Он — Ложь, тьма: за Истиной, первой Реальностью Мира — вторая как Рознь без иного. К реальности глаз ад причтен как тлен к Вечности Богом, Творцом их. Как в Тантре лекарство и яд, Ноль и Два¹, рай и ад в Сущем смежны как Тьма, Суть едина, и дом их — Луна: рай внутри у нее, ад — вовне. Как дом Истинны, сатиям (санскр.), Луна есть Глубь, IN'ое как Лоно, ИНь (кит.): рай, дом Бога — как Высь, ад — как Дно, в Глуби кои одно². Так, подземны, чрез стенку едины Элизий с Аидом, столп чей Персефона — Луна в мифе. Бога престол, Луна с тем — и чертог князя тьмы: Огонь и тень — суть Одно³. Тени явь, ад — примысленность (addition (англ.)): зла к Благу, к Субстанции акциденции, к зримой Земле подземелья, тьмы к Свету, ничто ко Всему. С тем ад — смысл переносный, второй за прямым как за Истиной — в нуль ее вынос, тень. Смысл этот, Двойка — раскол слова с делом, погибель людская. Мир древний не ведал его, с тем — и ада, обители мук (слово «некло», ад нынче, у древних Славян значит рай⁴), и единственным смыслом тогда был прямой, Слово-Дело: единство как Ноль, Монолит, Суть нагая, где дело — безмолвное слово, а слово — реченное дело. То — магии корень, Всесилье⁵. Так Словом как Делом Творца создан мир, так нелживо глаголит дитя⁶. В мире нашем дуал этих смыслов — Платон-Ares' тотель, грань спада от Истины в Ложь: от Луны, Солнца Вечности, в солнце, огонь бренья, от Сердца в пустой Ум, от Выси ко Дну⁷.

Ключ к познанию ада — деление Тьмы как Ноля без иного на Ноль и иное ему: Двойку, Рознь. То — две Тьмы из одной: Тьма как Тайна, Субъектность, и тьма как объектность, явь брeнная наша. О них рек Паскаль как двух безднах, меж коими сущ человек: Бесконечностью и Ничто. Первой Суть — Бог: Sat, Истина сущих; второй — Сатана, тень Его. Поль Лафарг, рекший: «Ад мог быть придуман только людьми и для людей, снедаемых ненавистью и жаждой мести», — прав в том, что граница объектности, крайняя пад|шести степень, какой есть ад, с нами едина: нет нас — нет ее. Но и зрить от нее — верно: в Двух (1 + 1) единица любая — начало, коль чем от нее.

Ад несведущим — вымысл, и мня его им, они, в сути, его соотносят с ментальной (мысленной) сферой — миром свободы, по Канту. О нет! Тюрьма, ад — не свобода (мнят ей его умники — адовы дети, мысль чья — Ум Ума, эгоист: имманентность, ад чистый); не внутренен он — он вне нас, он не нумен — феномен как то объективное, кое одно лишь и чтит атеист за факт (имя презренное: чтить факт, облатку, за Суть — как феномен за нумен — вершить есть

соитье со злом как раз|врат в смысле строгом: фак|т = *fuck*, е...ля). С тем и зовет его Библия «внешнею тьмой», «объективную истиною» по слепцу сему (ведь Бог есть Очи нам: Его лишенный — слеп), а по Бердяеву — «смертью существования» (об Авици как аде дурной непрерывности, пытке Сансары, где люди, умерши, рождаются немедля, **без отдыха в Том**, — говорится согласно с сим, что место это «никогда не находилось в А|мен|ти [посмертном Осириса царстве, Тьме-Сердце — Авт.] или в каком-либо другом субъективном состоянии»; А|vic|i в сути — не-Тьма: Два — не Ноль; смерть — не Жизнь; Ум бессердный, облатка-нуль). С тем-то, чем дальше от Глуби очами бежим мы вовне, тем реальнее ад как плод личной, поистине **нашей** ошибки. Страданье и радость — всё в нас, Мир вместивших. Понятие «ад вообще» ложно — есть лишь **ад наш**, что и есть в существе столь сурово клеймимая атеистами «субъективность» (то знал Лев Толстой, о всех семьях сказавший, что счастливы они одинаково, а несчастливы — на свой, особый манер. Книга Мертвых тибетская, рисуя ад, говорит: он — плод наш (проявление, «бардó»), и себе палачи — сами мы). Но ад наш — с тем и общий: ведь сущее нам — суще в Мире как Доме всех сущих, сосуд (микрокосм) чей мы, часть сего Целого. Ад — дом сбежавших от Глуби, и созданный бегством сим; древние — ада не знали, быв с Глубью одно. Ад есть общее то, коим скрыл Аристотель Единое: Сердце — бессердным Умом; но, таков, ад един как сама личность наша, из коей как Мира (ведь Глубь — он) извергнут вовне мир сей **злой**: Ложь как корка бессутня, на Истине **слой**.

Ад зовем пре|испод|ней мы, сиречь под|дон|ом («ис|под» — дно (стар.)), дном ниже дна очей бранных, — область онтологически-нижайшая. Но нуменально она пребывает поверх плотной, или физической, сферы как крышка ее, грань меж плотным и тонким мирами как оба сих разом и, с тем, ни один из них: **чистое мировое количество, тьма**. Посему-то нетонкую и неплотную эту область зовут «тьмой кром|ешною», сущей как кром|ка меж сими двумя, скорлупа для обоих — К|лип|пóт, «мир скорлуп» без их суетей живых.

*У ада, юдоли посмертных страданий людских,
есть конкретное мес|то, где сущ он — Луна. Рай и ад,
Бог и Дьявол едины в ней как Огнь и тень.*

Для душ, в смерти стремящихся в Свет (Тьму горню, Огнь-Мать), мир Дна есть **чистилище**: фильтр к снятию тьмы, тяготящей полет их. Фильтр сей в Православии — **бес**ы различных родов, что **мыт**арством от душ отмывают грехи (оставляя **без** них: «бес» — лишенность, ничто) по родам сим в воздушной стихии, второй за земной (*князь сих орд, Сатана есть князь воздуха (Еф. 2:2), слуги его — поднебесные ж, сиречь воздушные, духи (Еф. 6:12)*), итог чему есть **ч|ист**ота как согласие **Ист**ине (Орфики и Пифагорейцы зрили чистилище тeneвым конусом («бездной Гекаты», Луны, бывшей Грекам одно с Персефоною и Артемидою — и, с тем, трехликой), влачимым Землей точно **ш|лей|ф**, до орбиты Луны. Глуби, Тьмы тень, чистилище — Два пред Но́лем как врата в Чистоту, чрез какие **про|ти|снут|ься** — чистыми стать, Зло **с|тес**ав о мечи: пробудиться к Добру). То — порог горних сфер **над**телесный склоненным пред Богом, Единым; для тех же, царь чей Дьявол, мир сей — врата в **под**телесный возмездия мир, **Дно Дна**, склеп рабов Двух. Такова есть **иллюзия, с|уть его**: в чистых очах она **то, чего в принципе нет**; в мрачнозрящих — она **принцип их** всеохватный, страна без границ.

Ад — дом смерти, ведь время со смертью одно (как пространство, огонь — с Жизнью); число ж смерти — Восемь. С тем, учат Индийцы, он есть восьмерица сфер истинных мук, именуемых также кругами. То — область отринувших Мир эгоистов, влекомых в чертог сей подобьем ему (уму в розни его — Рознь и дом) и остающихся здесь тем дольше, чем глубже (в понятии внешнем: глубь адска — не-Глубь, нуль пред Глубью, Но́лем-Тьмой) падение их. Находиться на Дне — есть быть мертвым в понятии чистом, **неведомо сколько** (ведь смерть, как не-Жизнь, есть не вечность — безвременье: время застывшее, забыв конечность свою); пребывать выше Дна в брени — быть

относительно-смертным: ко смерти причастным как скрепе меж жизней, единство каких — брeнья крúг, управимый Луной: Тьмой — тьма (смерти чужды (с тем — рожденья) лишь сути Духовного мира, в бессмертности чужды страданья, единого с нею).

Ад — область страданья, нуль радости: место, откуда изъята она как из плóти душа. «Безрадостными называются эти миры, окутанные кромешной тьмой, // к которым приходят, умерев, эти незнающие, неразумные люди» (Брихадараньяка-упанишада, IV, 4,11). Сказано также: «Асуроподобными [подобными демонам — *Авт.*] называют те миры, // Что окутаны кромешной тьмой. // Уходя [из этого мира], к ним приближаются те, // Кто убил свой атман» (Иша-упанишада, 3. Здесь «убийство атмана» — *убийство его в очах наших*, над ними ж — бессмертен Атман). Радость, с Богом едина, есть истинный О|птимум наш: в ней как птицы парим мы легко. С тем, ад есть максимальность отшествия от сей Серед|ки — неважно, куда: Серд|це, Бог — Центр, иное окольно ему; ад — окольности край, Ум Ума как в утрате Господь. И не дивно, что холоден ад скандинавов, а ад христиан горяч: оба они — ад один: ведь *страданье есть то, что не знает середики себе — Меры, коей есть Бог*. Ме|ра-Ра|дость, Господь с Сатаною-ст|ра|дан|ьем едины как бублик с дырой от него: тело — Бог, пустота от него — Сатана. Посему плод контакта плоти́ и с чрезмерно горячим, и с хладным чрезмерно — един: то — ожог (ведь Тьма — Огнь), омертвленная ткань.

Дом страдающих, материальный мир зовется «тюрьмой творения»; верх матерьяльности (Дно — Высь навыворот) как абсолют ее, *ад — тюрьма тюрем*. Господь-Абсолют — Всё, Единство; ад — нуль, анти-Всё, Рознь как суть. Он есть тело особое: в зримости внешних глаз — целое, в сути ж — куски, не сплотимые между собою как *бомба в состоянии перманентного взрыва*: взорванная, но не распавшаяся цельность, коей есть ад: единица как нуль в существе. Ибо нет ничего единящего ад изнутри. Мощь, храняща его, жмет извне, как вода на ту бомбу, что, в глуби взорвавшись, не может распасться: то — длань Сатаны, свой крепяща престол, в сути ж — *Бога рука в роли сей* (Сатана — Бога роль, маска): брeния ось, имманентный столп — ад как тюрьма, коей быть, доколь суще оно⁸.

*Ад — посмертье всех тех, кто поставил на часть презрев
Полнóсть, на ум — изгнав Сердце, на знание — Веру поправ.
Ад есть Яд. Он — наш собственный выбор, и помни любой:*

Расщепленность ее на фрагменты есть плод отсечения от Иерархии Мира, вершимого Князем. Разъятая с целым, разъемлется часть тем в себе; части ее, родясь так — друг другу враги. Бой их — битва бессердечных, царь коим сильнейший, покуда силен он. Согласия нет в мире Дна: где рознь правит — Единый забыт.

Дна́ дух — дух отрешенности, коим пленен эгоист. Таков горьковский Сат|ин из пьесы «На дне»: он, поющий хвалу человеку (Сат, Истина — Бог, Сут|ь) — поет отрешенье: кумир сей безбожен, мня Богом себя. Таков Сатин сам. Пьяница, он духом внешним пленен, Сат|аной, коим есть винный дух эгоисту (Бог — Глубь, Дух-Внутри). Мятаж Сатина пуст: сей певец — принцип Дна воплощенный, на дне — дома он. Дном и *Горького* мир был безбожный: мир-гор|ечь, юдоль гор|децов; и писал он: «моя задача — пробуждать в человеке гордость самим собой, говорить ему о том, что он в жизни — самое лучшее, самое святое». Но истинно свят — Бог единый. Трагедия чистых людей как солдат революции, пиршества Двух — рознь их плоти с душой, их губяща нередко чрез умственный либо сердечный разрыв (как insult и инфаркт) либо пулею, пущенной ими в час рвущей сей муки в голову (ум) иль сердце свое.

Обделенность свободой — главное, а в существе и *единственное* страданье всех падших в ад. Ибо *любое страдание — суть несвобода*; плен адский — вершина ее (поему «стенать», слово сей муки, идет от латинского *stenos* — узкий, суть *тесный* (отсюда «стена» как помеха свободе, препона); слова «тесн|ота» и «стен|анье» едины основой своей, коя — знак тесноты. Теснота повергает нас в ужас, что ведомо всем застревавшим; боязнь безысходности — клаустрофобия, к коей толчок одиночество). Страданье — то, от чего цепенеет плоть наша (о том в своих «Опытах» пишет Монтень. Вспоминая сказание о Ни|обе|е, которая, потеряв семерых сыновей своих, а затем семерых дочерей, обратилась в скалу — «*Diriguisse malis*», «Окаменела от горя», — муж сей говорит: «И, действительно, чрезмерно сильное горе подавляет полностью нашу душу, стесняя свободу ее проявлений; нечто подобное случается с нами под свежим впечатлением какого-нибудь тягостного известия, когда мы ощущаем себя скованными, оцепеневшими, как бы парализованными в своих движениях, — а некоторое время спустя, разразившись, наконец, слезами и жалобами, мы ощущаем, как наша душа сбросила с себя путы, распрямилась и чувствует себя легче и

свободнее. // *Et via vix tandem voci laxata dolore est*» — «И с трудом, наконец, горе открыло путь голосу»). Несвободным быть хуже, чем умереть, ибо смерть мгновенна, а несвобода длительна. Смерть, переход, нам свободу сулит; плен, коль *полн* — ничего. Несвобода — про|цес|с (Кес|арь, Князь, — гёний чей) перманентной кончины, где всякая точка стези этой — смерть: **пленный — мертв много раз**. С тем, нередок пожизненный узник, молящий о смерти в замену тюрьме.

Пленным Дна — страдать должно; сему служит тело их — **тело страдания**. Суть его зрим из того, что страдания н|е|р|в есть душа, человечности суть. Если дух, сущий в теле частицей Свободы, сверх уз и страданий чужд, — узы и бремя души есть **желанье**, влекущая сила ее, чье свершение есть **действие**. Плотный мир сей разрешает его: мир трудов, для него он назначен, имея и место вершителю, и инструменты ему. Донный мир — казе|мат, запретивший труды теснотою пространства, где можно лишь быть — бытие ж есть покой, — и к тому сотворенный. Вот сущность страданья души в аду: он ей **покой-без-свободы**, насильственный, вяжущий по рукам и ногам. Покой этот противен неделанью Духа-Свободы как плоду Его **добровольного отказа от деяний** (как многости, Двойки: Свобода — Деянье Одно; от тьмы дел отрешась — творим Всё). И телá душ, держимых в аду, есть тела пребывания, к деяньям не годные. Они лишь в жалком зачатке имеют конечности. Зренье их к свету — нуль, тьма: они слепы как **зрящие мрак**, сердце ужаса, — к чему даны им **глаза крота**, чуждые света, зрачка не имея ему, а для мрака — всецелый зрачок. Тела эти бесчувственны, мысля под тем **многость чувств** (коих людям нам, сутям Пяти — пята дана); да и в мире сем те, кто томим в склепе тесном, с активностью членов теряют за не востребованностью и способность многообразно ощущать, зная чувство одно — плена гнет⁹.

Так приходим мы к главной черте тел страдания, вот она. Если тело привычное наше дано к ослаблению страданий души в мире сем как смягчитель их, — адское тело, напротив, есть их **проводник**. Так ожечься об огонь не даст ручка из дерева, железная же — ожжет вмиг. Так на адских жаровнях стенают и корчатся души в **железных телах**.

Телá ада — **безликие**. Лица их с ходом ко Дну размываются: Тьма есть Вода; телá ж в целом, теряя привычную нам многовидность, стремятся стать шаром. То в корне противно сферичности Духа как форм превышенью: **безликость — запрет лицам быть**. Так, биясь друг о друга в волнах, камни берега стра|дают, стира|я в покатость различья свои. Дух сверхформен, а

пленник в аду — недо-формен как формы лишенный (шар есть форма Мира — не наша как части пустой его: с Миром разъятой очьми эгоиста), в чем адова кара: с утратою формы теряем мы, люди, *характер, огранку свою*.

*

Ад — дом Розни. Но он есть и зданье, имущее клей свой. То в нем — *смерть, ничто*, дом чей ад; утверждая, что нет ничего единыщего ад, мы и мыслили это ничто, кое *есть как не-сущее*. Клей этот чистым очам, кои *видят* на равных не-сущее с сущим как Бóг, их Основа, — реален как всяк сущий клей, и он есть *вещество*. Мысля зорко (ведь мысль — очи нам), уясним это мы.

Возьмем ряд разных ядов, принятие чье влечет смерть. Сколь ни разны они, есть одно, что роднит их: то — *смерть*, внесоставна конкретному яду как некая примесь к нему — вещество, суть *отдельное* то, что во многом являет единый эффект (так в тьме яств сахар — сладость едина). Представим процесс, выделяющий эту добавку из сущих смертельных веществ. Итог его есть *смерть как субстрат* — явь очей зрячих, как явны зрячему сахар иль соль.

Так вещественны в Мире *идеи*. Андреев в своей «Розе Мира» ведет речь о похоти, что, оставляя наш мир, где явилась она, проступает с другой стороны, на поверхности мира с ним смежного как маслянистая жидкость (в обилии, созидающем реки, текущие, как и известные нам). Ибо всякое качество наше имеет свой строгий субстрат, где идея — материя, суть *то́, что есть*. Знание истины этой — основа искусства приготовления ведовских снадобий, из коих любое, по сути, являет собой некую целенаправленно выделенную — и истинно *зримую* (с тем — осязаемую, обоняемую, вкушаемую) — магом модальность природы людской.

А коль так, — мы, зря в Духе (ведь мысля так — в Нём мы), должны неизбежно признать, что таблица химических элементов, знакомая нам, далеко не полна: кроме сущих теперь, там должны быть еще и особые клетки для зависти, скупости, страха и прочего. Ибо что́ есть вещество? И с позиции химии (трупа алхимии древней), оно есть *простое*, а с тем и отдельное в сей простоте. Но все качества, что мы назвали — просты, ибо ясно отделены от прочих. Таков есть салат между яств с точки зрения нашего различителя, чувства вкуса. Последнее — кое не купность, как мыслят обычно (сложения чуждо оно), но *монада*, состав не имуща — не лжет нам: всяк род отстоящ, зримый так богодаденным чувством — монада; физически слóжен, он истинно — прост простотой *элемента*: ведь Дух как Одно — суть отдельности сей!

Таковы в очах древних стихии Вселенной: огонь из них «то, что сияет-печет», воздух — «то, кое веет», вода — «то, что течет», земля — «то, кое твёрдо»; отдельности эти, всеобщи, есть Мира столпы: элементы, *тела*. Ибо знала Античность: *телесным есть все, что телесны мы видим*; различное это — едино в основе своей, коя — Мир, Тело тел и очей наших Суть.

Элемент, тело, вещь — есть отдельное. Коль это так, — откровенья Индийцев об океане самосушного, сиречь *элементарного*, молока, плещущемся на некой райской планете вовек не сворачиваясь и без намека на стадо коров, произведших его, о деревьях, родящих любые плоды — не нелепая сказка; слова Александра Верт|ин|ского о ведре спермы, что дал Бог мужчине на жизнь, сей *конкретною* малостью веля ее поберечь — не есть шутка. Ведь автор сей жидкости — Бог, а не мы; молока не корова творец — Он. С тем, сути сии — вне родителей ложных своих, *сущи в Нем*. Будь то плоть, будь идея — отдельное материально, ведь *Мира Матер|и|Я — Дух*; и коль так, то идеи как части Его — все телá есть; тела, все как есть — *иде|альны* как данные в *иде|т|ь* нам: очьми ступать (в переводе идея и есть «то, что видно»). В «Тимее» Платон рек о том: «всему, что имело произойти, надлежало, конечно, быть телесным, видимым и осязаемым». *Вещи, идеи — телá равно: то, кое зрится-и-есть* (ибо зрится — быть: очей лишь ради суц Мир, как они — для него).

Смерть — *есть*, и притом есть *отдельно*, и с тем *элемент* она и *вещество*, Мира клей небытийный: промежутое Этого с Тем; грань меж Явью и Тайною — смертная грань розни их и единства. Смерть — клей, адский мир единящий, с тем — клей очезримых миров, от него производных и сутью имущих ад, тайный питатель их. Страны тиранов земных — миры эти. Таков строй Советский, стяжавший бытѣ гекатомбами боен военных, возросший на крóви безвинных людей. Глуп, кто мнит войну эту злом внешним: война как добытчик смертей пребывала в Системе с зачатъя ее. Бывшая до того геноцидом как внутренней бойней, — в миг, избранный Князем, она, выйдя вон, притянула Систему иную, без коей идти не смогла бы. Война, кою Сталин и Гитлер свершили, была их *соищем: любовью, взрастившею смерть*. Такова злая *стр|ась*: в ней, губя все живое, смерть *стр|оит* себя. Смертью — жив черный строй, она пища его, кою он без конца добывает, лишившись же — гибнет, распавшись легко: *смерть едящий — сам пища ее*.

Бомбе атомной, дабы взорваться, потребен *у|ран*¹⁰ в массе должной, критической. Адской системе для жизни потребна *критическая масса смерти*. Возникнув, творит она взрыв перманентный, «живящий» строй сей (ведь смерть

мертвому — жизнь), тем включая процесс поддержания его: добывание смерти враждою чрез войны и геноцид. Так кусок щелочного металла, упав на лед, плавит его, добывая к реакции воду.

*

Таков в главном ад.

¹ Тьма и тьма как Всеведение и неведение, Единство и Рознь: в существе — Тьма одна.

Служа Бытию-Единице причиной, Ноль-Небытие — Тьма, Вода Мира — огонь сей объемлет собой (как причиной объемлемо следствие) и проникает, входя в сей сосуд Двойкой, парюю Вражда-Любовь, кои — Тьма́ суть. Вторая за Богом, Тьма-Ноль, сущих Мать, есть причинная, вышняя Тьма; Тьма как Двоица — следствие, Тьма-в-Бытии как вторая за ним. Зря меж ними Бытье как черту, должно зрить в них две Тьмы, кои, сутью Одна¹, друг ко другу взывают². Чтя Тьму как Причинную Суть, ее должно, в себе не деля, зрить как Ноль, с Единицей союзный, как слиты они в Десяти, Мире. Тьма-Ноль есть Женская Суть (как Гинандр), и, последственна ей, Двойка — Женщина; Ноль — Мать, а Два — д|шер|ь, что шер|ится оку провалом. Ноль, Дви|га|тель Двоицы, г|лад|ок, шер|шавы — Два. В женской плотí оба — вульва, наружные коей уста как Диада (лик чей своей рознью являют) таят кольцевые врата — лик Ноля, чей привратник к|ли|т|ор — в сути Фаллос-Покой, Единица-Свет, сущий при входе в Тьму-Ноль.

Ноль, как Тьма сверхбытийная, Двоицу, Тьму-в-Бытии, созидает чрез грань О|дно|го-Бытия. Не Одно сие — Ноль творит Двойку; и, суца над ней, Единица объемлема Тьмой с двух сторон, точно молотом (0) и наковальной (2), подвластная им³. Так-то Нут, Тьмы богиня, звалась Египтянами «матерью того, кто создал ее» — Нодем как Одного матерью, *как бы* творящего Двоицу, коя — Тьма та же. Единство двух Тем утверждал Аристотель невольно (ведь Тьмы, раб ее, слеп очьми под Очей сих пятóй, он не ведал), уча о единстве идей и вещей (на основе вещей, Э|том): Тьма есть обеих суть; и по Платону, два царства сих Тьмой сплочены как Душой мировой (Тьмы не зря, сего Клея не зрил Стагирит у учителя, Мир его Рознию мя как без Связи Двумя).

Ноль и Двоица, Тьма внебытийная с Тьмой-в-Бытии, относимы друг к другу как веденье и невежество. Первое, как Атман, есть по Сократу, *незнание*, Питатель ума; по Кузанскому, оно есть *ученое незнание*; и сказано Сурешварою, что Не-Атман, иль невежество, как плод незнания — Атмана, как скажем мы — суть то ж незнание: Два и Ноль — суть Ноль, Тьма. Как Тьмы пора, ночь являет невежество первую, дополуночную половиной, итожащей сутки: в ней лживы сны наши; а ведение — второй, зачинающей их, в снах правдивой: Второе очей бранных — Суть.

Ноль со Двоицей между собой соотносятся как древо Жизни и древо познания добра и зла: оба растут *в центре рая* как *древо одно*. Г|ре|х Адама и Евы есть в том, что *открылись глаза их*, пред тем к Миру слепы, явив тем возможность *увидеть* единство сие, кою дал им Дьявол, глас Матний, как шанс стать богами, *открыв правду*, кою Отец хотел скрыть (Быт. 3:1 – 3:22).

В сем мире *матер|я*, приемница форм по Платону, есть тьма-оттиск Тьмы: Два — Ноля, Тьма-покой — Тьмы-Движенья, пассивность — Активности, коей жива она как Дух в утрате и в кою переходит, стяжав этот Корнь. Так, узнав в себе воду как суть, тает лед, не-вода.

Тьма-Ноль есть Очи Духа как Веденье; Тьма-Двойка — очи плотí, что, отдельна, невежество есть, а открыта Нолю — Тьма ко Тьме — мост, каким Тьма стяжает Себя как Одно-без-второго, мы ж — *видим* постольку, зря то, чем мы Есть: Бог-и-Мир, Цель-и-Путь.

Тьму как суть двуединую зрим мы в *Свободе*: как выбор вершимый она — Два, как выбор свершенный — Ноль, в Боге Свобода: ведь *Бо|г* — *Вы|бо|р наш*.

Тьма, Причина — Гр|уд|ь (греч. *ma|s|tó|s*) сущих. Ноль-Двойка: Свобода как Ноль, а как Двойка — Долг (*mu|st* — англ.), в Свободу *мост* нам и Свобода сама тем, кто знает его, зря очами Ноля. В Долге зрящий Свободу — Ноль с Двоицей слив в Тьму одну, *Ма|ст|ер* есть.

О единстве двух Тем учит Тантра-Мать нас: просветление, иль освобождение, по ней, достигается не искоренением страстей и желаний, но отождествлением их с трансцендентною Мудростью: Двойки — с Нодем, Корнем-Тьмой. Стагирит, сведши в вещи идеи — Высь в Дол, — свел противно Ноль в Двоицу: в следствие — горню Причину его, Полность — в ноль.

О двух Тьмах сущих, Двоице и Ноде в их единстве как Яви и Тайне Ксенофан говорит как о двух границах Земли — верхней, подножной для нас, что касается воздуха, и нижней, идущей в бесконечность (to

areiron). По Аристотелю, нравственное воспитание есть воспитание неразумной части человеческой души — претворенье невежества-Двойки в Ноль-Мудрость как разума Суть, моментальное в Тантре: ведь то и то — Тьма⁴. У Я. Бёме Нолем есть Свобода, природа же — Двойкой (как парюю Мулапракрити—Пракрити Индийцев); и первая противоположна второй, от нее производной. Свобода-Ноль, Природа-Корень (санскр. мула) есть личности суть; индивида — природа в Природе сей, Двойка⁵.

¹ Так Хаос рождает Тартар пред иным как свой внутренний полюс — второе себя, и два эти — одно, Хаос, суть (полюса, на кои разделяется он — небеса есть, и Тартар есть нижнее небо, симметричное верхнему относительно средней меж ними Земли, сиречь равноотстоящее с ним от сей срединной, — чему подтверждение строка «Илиады», где Зевс отстояние это определяет как «вниз от Аида, насколько земля от небесного свода»). Точно так, по учению Нагарджуны (Индия, I — II вв.), Сансара — как Двойка «рождение-смерть» — и Нирвана с позиции высшей, Нирваны-Ноля, есть всеполюс одно.

² «Abyssus abyssum invocat in voce cataractarum tuarum» — «Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих» — сказано в Библии о Божьем величии (Пс., XL, 8). Тьма тьму зовет и питает собой. Так две бездны, разверзшиеся в эсхатологизме германской (почти целиком философской) и русской (писательской в своем преимуществе) мысли — каких нету боле нигде той порой, — друг ко другу воззав, родили две сестры-революции и две крупнейших в истории мира войны, где сошлись бездны эти в объятии («Предельные проблемы и предельные срывы раскрывались лишь в германской и русской мысли», — сказал Бердяев). Тому, что как бездны они равномошны, знак ясный — оценка врага начальником австрийского генштаба времен Первой мировой войны генералом Конрадом фон Гетцендорфом: «Русских победить невозможно, но и самим русским трудно стать победителями!».

³ Волей Божьей, слова «молот» и «наковальня» есть лик двух Тем: «молот» являет Ноль буквой Тьмы «м», в нем начальной; ступание «н» беспромежно за «м» в алфавитном ряду — связь Причины, Ноля, с Двойкой, следствием. Мать как Ноль, на бумаге начертанный — Двоица, знак как второй за Нолем; Ноль сам, Явь вместо сна сего — брению Тайна есть. Суща меж Молотом и Наковальней, Нолем и Двумя, Единица — в их власти, но с тем — и отдельно, как меж мощных стран — остров малый Моноко, земля-ли-ли-пут.

⁴ Правота Аристотеля на сей предмет при иных заблуждениях в нем же — не дивна: Ложь, суть сего мужа, себе не верна.

⁵ О том сказано у Бердяева: «индивидуум есть категория натуралистическая и социологическая. Индивидуум рождается в родовом процессе, принадлежит природному миру. Личность же есть категория духовная и этическая, она не рождается от отца и матери, она духовно творится, осуществляя Божью идею о человеке. Личность есть не природа, а свобода, она есть дух».

² Ибо Истина — Ложь окружает, объемля с обеих сторон. Таково само слово ее. Учат Веды:

Оно [слово «сатиям», истина — Авт.] трехсложно: са-ти-ям. «Са» — один слог, «ти» — один слог, «ям» — один слог. Первый и последний слоги — истина, в середине — ложь. Эта ложь охвачена с обеих сторон истиной: истина становится преобладающей. Тому, кто знает это, ложь не причиняет вреда.

Каушитаки-упанишада, V, 5, 1

Луна как дом ада — конкретный ответ на разящий вопрос атеиста о месте (физическом пункте) его, посрамитель безверья: в Луне, центре зримости всей, Дух, Абстрактное, коего явь ад, — Конкретное: Два — есть Одно.

Как престол князя тьмы, Луна — «Мастера и Маргариты» начальник, над действием книги царящ. Имя Воланд — тому строгий знак: Сатана, Воланд — Во-Лун-д: в Луне сущий как ада царь.

³ Бога лунность — Луна как Корова-Вселенная, Мать сущих (Нут — Египтянам, Славянам — Землун; и т.д.), Им чреватая, сущим внутри у ней. Луна в Исламе — трон Господа: месяц при Нем как звезде на штандарте зеленом. Знак ада как лунности — тьмы лик Геката: по Грекам — Луна самое (как с ней вместе — Селена с Латоною и Артемидой).

⁴ Дом Всевышнего, Солнца, пекущего там. О земле райской Гиперборее писал посему Плиний Старший:

Страна эта находится вся на солнце, с благодатным климатом; там неизвестны раздоры и всякие болезни...

«Естественная история», IV, 26; выделено мной

⁵ О нем рек Христос как о слове живом:

...истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас.

Мф. 17:20

6 Речь ребенка не знает условностей как смысл прямой в чистоте своей. В книге «От двух до пяти» рек Чуковский:

...период языкового развития, когда дети начинают примиряться с метафоричностью наших «взрослых» речей (...), насколько мне удалось заметить, у нормальных детей начинается на шестом году жизни (Шесть — число в|реме|ни, брения — Авт.) и заканчивается на восьмом или девятом. А у трехлетних и четырехлетних детей такой привычки нет и в зародыше. Логика этих рационалистов всегда беспощадна. Их правила не знают исключений. Всякая словесная вольность кажется им своеволием.

Скажешь, например, в разговоре:

— Я этому до смерти рад.

И услышишь укоризненный вопрос:

— Почему же ты не умираешь?

(.....)

Бабушка сказала при внучке:

— А дождь так и жарит с утра.

Внучка, четырехлетняя Таня, тотчас же стала внушать ей учительным голосом:

— Дождь не жарит, а просто падает с неба. А ты жарить котлету мне.

Дети вообще буквалисты. Каждое слово имеет для них лишь один-единственный, прямой и отчетливый смысл — и не только слово, но порою целая фраза, и, когда, например, отец говорит угрожающе: «Покричи у меня еще!» — сын принимает эту угрозу за просьбу и добросовестно усиливает крик.

— Черт знает что творится у нас в магазине, — сказала продавщица, вернувшись с работы.

— Что же там творится? — спросил я.

Ее сын, лет пяти, ответил наставительно:

— Вам же сказали, что черт знает, а мама разве черт? Она не знает.

(.....)

Свежесть реакций ребенка на взрослую речь сказывается именно в том, что каждую нашу идиому дети воспринимают буквально.

— С тобой голову потеряешь, ей-богу! — говорит, например, сердитая мать.

— Со мною не потеряешь: найду — подниму.

Про какого-то доктора большие говорили в присутствии Мити, что денег у него куры не клюют. Когда Митю привели к этому богатому доктору, он, конечно, сейчас же спросил:

— А где у тебя твои куры?

Для взрослых всякая такая реализация метафоры является, конечно, сюрпризом. Тот, кто сказал про старуху, будто она «собаку съела», даже не заметил, что упомянул о собаке. Тот, кто сказал о сварливых супругах, будто они «живут на ножках», не заметил в своей речи ножей. Тот, кто говорил про богатого доктора, будто куры не клюют его денег, ни на минуту не подумал о курах. В том и заключается огромная экономия наших умственных сил, что, оперируя готовыми штампами речи, мы почти никогда не вникаем в их изначальный смысл. Но там, где для нас — привычные комбинации примелькавшихся слов, стертых от многолетнего вращения в мозгу и потому уже не ощущаемых нами, для ребенка — первозданная речь, где каждое слово еще ощутимо.

(выделения в тексте — мои)

Смысл прямой, детской речи основа — сама П|рост|ота, сущих Твердь, коей крепок любой. Иисус, Паст|ырь наш, звавший нас «быть как дети» — о ней рек. Сказал Паст|ер|нак так:

Есть в опыте больших поэтов
Черты естественности той,
Что невозможно, их изведав,
Не кончить полной немотой.

В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.

Но мы пощажены не будем,
Когда ее не утаим.
Она всего нужнее людям,
Но сложное понятней им.

⁷ В истории миропознания как стези мира сего Аристотель есть автор понятия «переносный смысл» — мета|фор|ы как сноса Истины (Цели, Меты бранных нас), коей есть смысл прямой, в нуль: Ума муж, оперишийся на пустоту; само слово «метафора» — термин его. Воланд, рекший, что свежесть второй не бывает — о смысле прямом, первом рек; переносный, второй — есть ничто. Аристотель трудами презрел Пара|М|пар|у, учительства Божию цепь, о Платоне, учителе своем, писавший темно «*некоторые* утверждают».

⁸ Власть Дьявола — в сути есть Божия власть. И хотя Сатана говорит о себе Иисусу: «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее» (Лук. 4:6), — он, *князь мира сего*, лжет: последняя, высшая власть — Бог, *Царь Мира*. Ложь князя вскрывает Мессия в словах Своих к фарисеям: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Иоан. 8:44).

⁹ Касаемый всех атрибутов деяния и восприятия, в Ведах зовущихся ин|дри|ями. К ним относятся: пять восприимлющих — глаз, ухо, нос, кожа, язык; и пять действующих, обращенных вовне — пищеварительный, две пары двигательных, речевой и детородный. Полное число индрий, 10, согласно Декаде, числу мировому; по сумме ж своей — единице, в которую десять сих плющит страдательный плен.

¹⁰ Небо (греч.). Промышленьем Творца, имя это металлу дано, что нам — лик топки адской как Неба лишенность, У|рон.

Приложение 3

НЛО: сосуд Луны

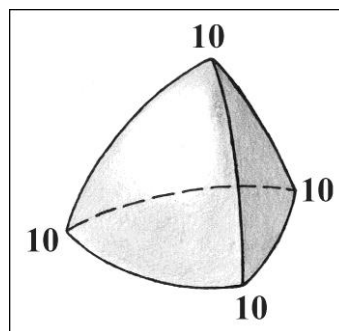
Суть и свойства машины машин

В догадках и домьслах об НЛО, ладье Неба,
познанью нет проку. Плащ тайн ей — Луна,
к Миру ключ: знать его — ведать
челн сей *живой*.

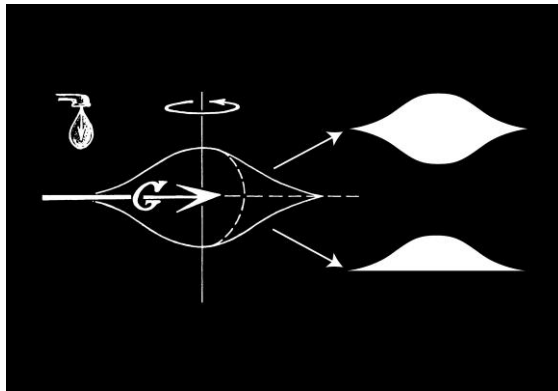

Мнить Луну мертвым камнем, подвластным Земле, есть абсурд: **Луна — Жизнь и Земле госпожа как Причина ее¹**. Миру бренок очей **Луна — Центр: люк из Этого в То, в Вечность, Лоно эфирное**. Парна Земле, Луна — **Небо**, край горний, Земля же — **Дол. Доля, Суд, Ум** как **Судьба** — царь Земле: **часть пуста; Милость, Сердце** — Луне: **Полнота**. Мир вне Луны — **Вражда, Долг**; внутрилунный — **Свобода: Любовь, Высь**; Глубь с Высью — **Одно**. Грань меж ними, Луна, бог чей **Син**, — **синтез** их, Вечность-бренье, как **Шара (эфир, тайный огонь) и Тетраэдра (огнь-явь)**. Очам синтез сей — **орихалк, Атлантиды металл** (как земли на Земле, землей лунною ставшей с разъятием Земли и Луны, бывших прежде одним: **утонуть — стать Луной, Глубью глаз²**), **корнь металлов земных**, по Платону «огнистый»: алмаз, Тьмой надутый из недр — **Десять по Четырем³** (рис.1):

И влелуние, и Глубь Луны — дом Антропный; **Луною едины, Антропы — ряд цельный, часть чья человек Земли сей**. Длань единства его — **НЛО, Глуби челн**, свойства чьи таковы:

- **НЛО** в сути — капля Луны: плод ее как **Воды вод, Тьмы, ЛОНа-НОЛя** (рис.2).

Иных лон ему нет: Луна — люк ладьям Неба в мир зримый: ведь Небо — она самое. Выход их из Луны — их исход в дольний мир луной малой как **Глуби, Свободы гонцом**. С тем, Свобода, эфирна — внутри челна как ее капсулы; стенки его — о' **rich'алк**. Лик Луны, НЛО посему — Это-То, металл-огнь. Таков есть **челн Селены** — Тьмы, **Девы** (греч. **κόρη**), **Коры** (Плевы) этой **коря**бль.

- Всем машинам земным НЛО — **архетип, корнь небесный: машина машин, органический, сиречь живой, механизм**, в коем целое старше частей своих: **Любви машина**, камень По**ЛНО**сти. Техника наша — машины машинные, мертвые как **механизм механический** — смерть, гроб живых, часть над целым, **машина Вражды** (табл.1,2).

Таблица 1
Божий Мир с полюсами его и нутром

Суть	Кем она есть	Что творит, чего жаждет она
Бог, Вершина	Жизнь, Суть Мира, Любовь и Податель Любви.	Творит и хранит Мир, дитя и подобье Свое.
Мир	Органика, суть Жизнь-Живое, Господня Любовь.	Выступает активным сосудом живого и мертвого — сильным Господнею Силой творцом.
Личность: в сем мире Вражды — суть с облаткою, Двоица; в мирах Любви — слитна суть как Одно: не личина, но Лик, скорлупа как Яйцо целиком.	Органический организм как живимое Богом и Миром, подобьем Его: в сути чистой — Свобода-Любовь.	Творит Силой Божьей, Любовью; Любовью живет как своим чистым Я.
Машина Любви	Органический механизм, иль живая машина : гипостазис Личности как моральная машина , живимая Силою Божьею, Тьмою чрез Личность, звено.	Служит Личности и есть звено единенья миров индивидов как сугей Вражды, разлученных Враждою, с мирами подвластных Любви Ликов-Личностей, ею единых навек.
Индивид	Механический организм как неявно живимое Богом, а явно — Дьяволом, Сатаной: Вражда-Необходимость.	Посвящает на властие Личностью, жаждет Вражды, ибо сам есть она.
Машина Вражды	Механический механизм как живимое Сатаною — без Бога: мертвая машина , сиречь воплощенная смерть , как гипостазис индивида — человечность (моральность) в утрате.	Волей Дьявола, метит на трон Человека, неся людям рознь к смерти их.
Сатана, Дно	Вражда-Смерть	Творит зло, ибо Зло есть он сам; в розни с Господом — враг человек, суть их душегуб.

Таблица 2
Земная машина и НЛО в их сравнении

Земная машина: Это как Это	НЛО, лунность: Это как То
Тьма неведенья: часть прежде Целого. Механизм механический: смерть, имманентная суть.	Огонь всеведенья: Целое прежде частей. Механизм органический: Жизнь, трансцендентная суть.

- Силою НЛО есть **Свобода-Любовь: Тьма, Кор|ова (санскр. go), Крылá сущих и душ Кор|ова|й**. Живим ею, корабль **Го'**стей наших — **двуглавый орел**: че'**LOVE**'ко-машинный союз:

- Тьма есть Очи. Полет НЛО — очей ход** (ведь они — ноги нам): в сущем **О|птика** — **Птица**, крылатая Суть.

¹ У Блаватской об этом читаем: «*Оккультно Луна является «родительницей» нашей планеты, она гораздо старше Земли (...). Наши духовные прародители «питри» (предки) пришли с Луны* и вошли в пустые земные оболочки, одушевив их, чтобы продолжить своё эволюционное развитие на новой планете. Так учит Тайная Доктрина. Отсюда и культ почитания предков, которые являются духами, вошедшими в наши физические тела. Таким образом, питри — это мы сами. *Луна гораздо древнее Земли и даже Солнца. Именно Луна управляет Землей...*» («Тайная Доктрина», выделено нами).

² В пору Золотого Века, довечного века Пространства, Луна и Земля составляли единое тело; затем вследствие созерцательного раскола Земля отсеклась от Луны как от Неба не-Небо, от Целого пустая часть. Так с Селены, Отчизны своей, пал на Землю с Землёй заодно человек; так Луна, явь очей его, в них утонула, став Гл|убью ему.

Факт единства Луны и Земли в древний час подтверждают старинные книги. Так, войны все в «Махабхарате» идут на Земле и Луне как на *тверди одной*; карты древние неба — Луны лишены как Иного Земле.

³ Орихалк — архетип металличности, канувший в То, Глубь Сего; о нем пишет Платон. Это — высшая степень телесной организации углерода в сем мире — духовно надутый (живой) ал|маз (укр. диа|ман|т: **man** — Луна **Мен**|а Греков), с алмазом обычным спрягаемый, как возбужденный, наполненный кровью фалл с невозбужденным, пустым, и как целое с частью, недружной с ним. Суть орихалка в сем мире являют т.н. предварительно напряженные конструкции (пример — **Ost**анкинская телебашня в Москве). Вид звена его, неплюскогранный (от части как корня кристалл из сот сих не возвесть) — семя гречки: Тетраэдр, полный Сферой как Десятью Четверица, огонь-явь огнем-Т|айн|ой. Число его — **Со|рок**; его буква — **М: М|а|ть**, Вись-**Ть|ма**.

Приложение 4

Сила любви

сказка

Восславим Творца, о друзья! Дел великость Его — малым нам назидание.

Некий Ученый, пленившийся песней Соловья, задумал постичь ее тайну. Часами, забыв о других весьма важных занятиях, слушал он вольную птицу в саду, но искусство ее оставалось ему все такой же загадкой. Он хотел разузнать все у самого Соловья, но это был гордый Ученый, и он не любил быть просителем. Однако же любопытство его взяло верх.

— Послушай, Соловей, — обратился он к птице важно, — я познал мудрость многих наук, но не могу понять: отчего и как ты поешь?

— Пой — и поймешь, — сказал Соловей.

— Что за странный совет! — удивился Ученый. — Или не видишь: я не артист. Мелодия твоей песни томит меня как ничто в целом мире. Поведай же, прошу, ее секрет!

— Пой, — сказал Соловей, — мне нечего добавить к этому.

Гнев затуманил взор Ученого.

— Упрямец, — зло прошептал он, — ты вздумал смеяться надо мной! Вот как ценима моя благосклонность. Ты не желаешь открыть мне свою тайну? Так погоди же, я возьму у тебя ее сам!

Он поймал певца и посадил его в клетку. Но в неволе Соловья будто подменили: он перестал петь!

— Эй, приятель, куда подевалась твоя песня? — досадливо вскричал Ученый, но ответом ему было глубокое молчание. «Должно быть, Соловей утаил ее в своем горле. Проклятая птица! А ну-ка погляжу, какие рулады она посмела скрыть от меня».

И сказав так, служитель науки убил прекрасную птицу. Острым лезвием он рассек ее горлышко, но не нашел ничего кроме бездыханной плоти. Тогда он решил искать глубже. Вспоров нежную грудку, он извлек внутренности и долго колдовал над ними, взвешивая и наблюдая в микроскоп.

Он очень старался, этот достойный Ученый, трудясь день и ночь без сна и отдыха. Увлечшись, он позабыл, чего искал вначале. А когда тетрадь его распухла от множества пометок, написал мудреный трактат «О Соловье», на треть из латинских слов и на четверть из греческих.

Трактат принес Ученому успех. Сановный двор воздал ему хвалу, и сам Первый Министр увенчал его венком из лавра. Седые академики рукоплескали его открытиям. Коллеги наперебой расточали похвалы.

— Какой талант у этого Ученого! Какой пытливый ум! — восторгались одни.

— Подумать только, он первым в мире исчислил объем соловьиных легких! — упоенно вторили им другие.

— И гортань, — поражались третьи, — он измерил ее как никто доныне! Есть ли равный ему в науке опыта?

Грудь Ученого украсили медалью. Она была из чистого золота, и Ученый мог по праву гордиться ею: ведь он так славно потрудились!

Ученый ликовал. К его возвращению прислуга навела в доме образцовый порядок. Когда вся обстановка сияла великолепием, взгляд горничной упал на труп небольшой птицы, одиноко лежащий на столе хозяина.

— Что за гадость! — всплеснула руками служанка. — И как это я не заметила его раньше?

И она смахнула легкие останки в корзину для мусора.

* * *

— Хвала, хвала Ученому! — трубили на всех площадях глашатаи.

— Почет и уважение умнейшему из граждан! — зывали риторы в Высоком Собрании. Простодушный народ не мог сдержать радости слыша эти слова. Смех и веселые возгласы звучали окрест. И посреди этого ликования лишь один человек не спешил разделить его, оставаясь тих и печален. Это был сам Ученый.

Слава пришла к Ученому, но покой оставил его. С тех пор как был написан трактат, приступы странной тревоги стали посещать его, едва лишь на землю спускались сумерки. Какая-то неодолимая сила влекла Ученого в сад, и там, стоя под ветвями, он напряженно вслушивался в вечернее безмолвие, словно пытался уловить нечто забытое и давно утраченное. Что же? Ученый не мог ответить. Ведь он имел почет и богатство, а что может быть нужно человеку помимо этого?

Однажды, когда глубокой ночью Ученый ворочался в своей постели в напрасных попытках заснуть, луч луны упал в раскрытое окно. Он легко коснулся лица Ученого, приглашая в путь, и Ученый, словно давно ждавший, откликнулся на этот призыв. Он взглянул в окно и увидел тропу из лунного сияния, серебром мерцавшую меж деревьев. Дивная легкость наполнила Ученого. Он пошел по тропе, и она привела его на край утеса, темной громадой высившегося над окрестными холмами и рощами.

Недвижимые, в небесной вышине сияли звезды. Внизу, припорошенные лунной пылью, ковром смыкались кроны деревьев, а оттуда... оттуда лились до боли знакомые чарующие звуки. То пел Соловей, и звенящая песня его широко и легко заполняла пространство. Даль, раскрывшись, внимала ее привету; ей, крылатой, внимали, склонясь, миры. И тогда Ученый понял, о чем тосковал все это время и зачем пришел сюда. «О Соловей, — произнес он, — мне только казалось, что я убил тебя, а ты жив и смерть не властна над твоею песней! Я погубил твое щедрое сердце, но теперь знаю, что должен был подарить тебе свое. Что ж, сегодня я исправляю эту ошибку».

Так сказал благородный Ученый. И светло улыбаясь, он шагнул в беспредельность ночи навстречу песне, которую так любил.

Ведь душа наша — птица, жизнь — песня.

Восславим Творца, о друзья! Дел великость Его — малым нам назидание.

Ермаков Олег Владимирович • Oleg V. Yermakov

Биографическая справка • Biographical information

Родился в 1961 году в г. Мичуринске Тамбовской области (Россия), там же окончил среднюю школу. В школьные годы — победитель VII Всесоюзного конкурса школьных сочинений в жанре очерка (1975). Окончил Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко по специальности «химия» (1983). Около 10 лет работал в химической отрасли Украины, далее — в журналистике, пройдя путь от репортера до главного редактора всеукраинского журнала. Автор ряда изобретений и цикла трудов о Вселенной, работу над главным из которых, «Планета Любовь. Основы Единой теории Поля», вел в течение 22 лет (1987–2009). Член авторского сообщества Википедии. Автор стихотворного сборника «Сила Любви» (2001), профессиональный художник-карикатурист.

Исследование Вселенной — мое основное занятие. Предаюсь ему со студенческой скамьи и считаю его наследственным: моя бабушка Надежда Зарецкая — конструктор антенного блока первого искусственного спутника Земли, запуск которого ознаменовал начало космической эры человечества, автор ряда изобретений в области ракетно-космической техники, а муж Надежды Георгиевны и мой дед Михаил Мамонтович Зарецкий — брат Нины Ивановны, жены С.П. Королёва, в КБ которого в подмосковных Подлипках бабушка проработала до пенсии. Покоряя Вселенную, в те скудные на житейские блага времена она, бесконечно влюбленная в Землю, страстно мечтала обзавестись ее клочком, чтобы посадить на нем сад. Мечта ее сбылась: хлопотами Сергея Павловича талантливая дочь России получила участок в Болшево (ныне часть г. Королёва), где вырастила чудесный сад и построила дом для большого семейства.

Женат, отец взрослого сына и дед троих внуков. Сейчас живу в Киеве.

Born in 1961 in Michurinsk, a town near Tambov, Russia, where I finished school. During my school years, I won the 7th USSR National School Essay Competition (1975). I graduated from the Kiev Taras Shevchenko State University with a Master's degree in Chemistry (1983). After 10 years in chemical industry in Ukraine, I decided to pursue a career in journalism, where I grew from a reporter to the editor-in-chief of a national magazine. I have a number of registered inventions. I am an author of a series of works about the Universe. My most important work, «Planet Love. The basics of the Unified Field theory, or the Introduction to sacral linguistics», took me 22 years to write (1987 – 2009). Member of Wikipedia author community. Author of a published book of poetry Power of Love (2001). Professional caricaturist.

Researching the Universe is my primary occupation and a passion since college years. Passion for space runs in generations in my family: my grandmother Nadezhda Zaretskaya designed the aerial assembly of the first man-made Earth satellite, the launch of which started the space era of the humankind, and holds credit for a number of other space engineering inventions. Her husband, my grandfather Mikhail Zaretsky, is a brother of Nina Koroleva, wife of the great Sergey Korolev – it was in Korolev's Podlipki space design lab near Moscow that my grandmother worked all of her career until retirement. Despite her success conquering space, in those tough Soviet times, her biggest dream on our planet was to own a piece of land to grow a garden. Her dream eventually came true: through Sergey Korolev's patronage, the talented space engineer received a piece of land where she was finally able to grow a beautiful garden and build a house for her big family.

I live in Kiev with my wife. I am a father to a grown son and a grandfather of three.

Телефоны в Киеве:

+ 38 (066) 561-21-20, + 38 (044) 533-12-20

E-mail: hermakouti@ukr.net

Skype: [martin196966](https://www.skype.com/name/identifiers/alias/martin196966)

Личный сайт, посвященный работе «Планета Любовь»:

<http://www.ivers61.narod.ru>

